

05.05-1934

Харьковский рабочий

Б

5 - май 1934

Харьков Украина

ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ НА ЭСТРАДЕ

Когда в начале 50-х годов прошлого столетия в России начали практиковать первые публичные чтения художественных произведений, наиболее восторженно отнесся к ним Н. В. Гоголь. В 1843 г. он писал: «Думаю, что публичные чтения со временем заменят у нас спектакли».

Но плодотворные чтения гоголевских времен преследовали исключительно литературно-популярную цель. Только спустя много-много лет, с Октябрьской революции—о художественном чтении начали говорить, как о важнейшем, необходимом виде искусства. Художественные чтения заняли у нас самостоятельное и почетное место.

В СССР и далеко за его пределами широко известны такие выдающиеся деятели и мастера художественного чтения, как проф. В. Сережников, проф. Суренский, В. Яхонтов, Качалов, Москвин и др.

К этому списку крупнейших пропагандистов и популяризаторов культуры живого слова в широких массах можно теперь присовокупить и артиста театра им. В. С. Мейерхольда— Игоря Ильинского.

Игорь Ильинский—актер так называемого «левого» театра, создатель эксцентрического Аркаши—в «Лесе», траги-буффонного Расплюева—в «Свадьбе Кречинского»,—в роли чтеца классических гоголевских «Старосветских помещиков»? Кое-кто, идя на концерт, предположало лицезреть очередной фортель, популярного по кино трюкового комического актера.

Но любители дешевых сенсаций получили жестокое разочарование.—И не заслужат! Подавляющее же большинство зрителей—радость от глубокой, тонкой трактовки гоголевского произведения.

Основной принцип чтения Ильинским художественных произведений—это, прежде всего,—простота, **скупость**—не от бедности, а именно от богатства выразительных средств.

Ильинский скуп и на жесты. Их немного при исполнении «Старосветских помещиков». Но зато какие это выразительные, **красноречивые жесты!**

Ильинский закладывает одну руку за полу своего пиджака, выставляет вперед правую ногу и перед нами—Афанасий Иванович.

Ильинский шурит глаза, поджимает губы и перед нами—как живая, наивная и патриархальная Пульхерия Ивановна. Нужно только слышать и видеть, как Ильинский воспроизводит страсть Афанасия Ивановича к чрезводу, чтобы не только покатываться со смеху, но и почувствовать всю жуть унижения «на корню» умирающего феодалного дворянского класса.

Ильинский читает «Женихи» Зощенко и «Ударник» Ардова. С тонкостью ювелира он передает стиль этих юморесок, их своеобразный лексикон, ритм. Пьяница, летун, кандидат на «рогожное звание», советский обыватель—живут, действуют на эстраде, как в реальной действительности.

Артист вновь переключается и преподносит в замечательной отделке популярное произведение для детей Маршак.

На улице Васильевой

Жил один рассеянный.

И здесь Ильинский остается верен своему умению обобщать. Смелыми мазками он рисует не одного курьезного чудака, севшего в опущенный ватон и проспавшего в нем несколько суток, а тип рассеянных, ту черту характера, которую нужно выкорчевывать безжалостным образом.

Чтобы создать сценический образ на эстраде без грима, соответствующего костюма, внешнего оформления и прочих театральных аксессуаров, нужно обладать большими выразительными средствами, в особенности мимическими и голосовыми. Игорь Ильинский не только вооружен, но и в совершенстве ими владеет.

Слушать художественное чтение Ильинского—не меньшее удовольствие, чем смотреть его на белом полотне экрана или на сценических подмостках, в блестящем обрамлении мейерхольдовского театра.

С. ГЕЦ.